

«Я горячий любитель и участник художественной самодеятельности. А мой, да и не только мой, думаю, идеал на сцене — актер Караченцов. Не могли бы вы помочь нам, новичкам, взглянуть в мастерскую художника?»

Юрий КЛЮЕВ, монтер».

О своей работе в беседе с нашим корреспондентом О. Богуславской рассказывает актер театра имени Ленинского комсомола, лауреат конкурса «Московская весна» 1976 года Николай Караченцов.

— Я выхожу на сцену — и начинается мой первый спектакль. Нет, я говорю не о премьере. Это каждый день. Первый не потому, что волнуюсь (так и должно быть), и волнуюсь не потому, что первый. А потому, что одинаковых спектаклей не бывает. Спектакль, если по нему пройтись хорошенько, весь состоит из заплат. Которые сам же ты и ставишь: тут недотянул, там — повтор, тут — надо еще по-

тяжелее, что была некстати: школа, экзамены, да и возраст явно уже не балетный. Начал я свое балетное образование в студии МХАТ, что привело к тому, что врачи стали обращать на меня внимание. Некоторые роли я играю без замены.

Речь зашла о повторях, и тут хотелось бы сказать, что опасность «родить близнеца» едва ли не смертельна для работы. Повтор может повлечь за собой повтор, и

ВСЕ НАКАТАННЫЕ ДОРОГИ — СКОЛЬЗКИЕ...

думать, там — вопрос на вопросе. А снаружи этого видно не должно быть. Это — швы. Работа. Каждый раз я ставлю перед собой новую задачу. Выполнил ее, и не успею за кулисами погладить себя по головке — новая тут как тут. И хорошо бы одна! (Шучу. Чем их больше, тем лучше работать).

Спектакль должен постоянно обновляться. Это удивительная особенность театра. Спектакль неповторим, и вместе с ним меняется актер. Если вначале дорога к пьесе была «по первому снегу», то со временем нужно не дать ее накатать. Все накатанные дороги — скользкие. То, что вначале было тонким, пронзительным, от привычки изнашивается. Если говорить о жизни спектакля на сцене в течение многих лет, то нельзя забывать о том, что изменяется самое главное. Зритель.

Для него пьеса, к нему обращается актер. Может быть, спектакль начинается по-настоящему тогда, когда опускается занавес и зритель уходит. Что он возьмет с собой? Если существует такой зритель, который постоянно ходит на один и тот же спектакль, то каждый раз я хотел бы быть для него таким, каким он меня еще никогда не видел. Незузнаваемым, если хотите.

Совершенство? По-моему, его вообще нет. Во всяком случае для тех, кто хочет работать по-настоящему. Поднявшись на ступень, которая вчера казалась тебе ступенью к... (ну, к тому, чего нет), обнаруживаешь десять новых — просто вчера их не было видно. Так вот эта несуществующая штука правит работой, то есть не дает ей остановиться. Если бы совершенство было, его можно было бы достичь, но ведь это и значило бы — остановиться.

Какой я актер? Я не актер одного жанра (по крайней мере — в душе). Это здорово и очень трудно, но я хотел бы уметь все. Я жадный! Новый герой — это все новое. И прежде всего — новый я (все тот же Караченцов, с прежними навыками, со старым умением и с неизменным вопросом: как? Может, потом скажут: Караченцов высоко прыгал. Видели, как я прыгаю в «Тиле»? Врачи говорят — не надо так. Напряжение большое), но... Кстати о прыжках. В детстве я заболел балетом. Мама меня вылечила, но к 16 годам болезнь возобновилась, и тем

работы погибла. Поэтому я думаю, что актером одного жанра быть очень трудно: в видимом единообразии ему приходится искать постоянное и, главное, качественное — разнообразие. Что же касается опасности повторяться в одном спектакле, то это опасность номер один. С этого начался раз-

говор. Сегодня я — Лаэрт (в спектакле режиссера Андрея Тарковского). Думаю, что пьеса прочтена по-новому. Мой Лаэрт очень-очень нежный (а до этого был Тиль Уленшпигель — я же говорил, что жадный). Играть Шекспира — это великолепно, потому что есть тысячи решений и возможностей, необходимо думать и постоянно двигаться даже внутри одного решения.

Когда пьеса или сценарий не нравятся... это тоже хорошо. Почему? Потому что, когда материал сопротивляется, работать еще интереснее. Он тебе — свое, а ты ему — свое. Наверное, это даже нужно. Актер ведь должен постоянно играть. И это не значит, что нужно, стало быть, играть все подряд, нравится или не нравится, близко тебе это или нет. Актеру необходимо решать разные задачи, чтобы всегда быть в форме.

Сегодня перед ним стоит сложнейшая задача — образ современного героя. Я бы очень хотел сыграть его. Но только настоящего! Со всеми вопросами, со всеми трудностями, с туго затянутым узлом сегодняшнего. И чтобы не было никакого готового решения. Для актера всех времен играть современника, по-моему, необычайно сложно: образ не завершен — он не может быть завершен, он в постоянном движении. Но сегодня это тем более трудно, что время поставило перед всеми нами необычайные задачи. Решать их нам. И поэтому я настороженно и придирчиво отношусь ко всем предложениям сыграть «сегодняшнего человека». Я ищу! (Мне нравятся пьесы Вампилова. В фильме «Старший сын» я играл человека, у которого все круто меняется внутри, при этом снаружи все вроде бы шутка. Задача?)

Прежде чем уйти со сцены (попрощаться с Юрием Ключевым, я хотел сказать), открою один секрет. Если у меня что-то не вышло, я не говорю себе: «Плохо сыграл!» (актера Караченцова стараюсь уважать. Я точно знаю, что он выложился весь), я решаю: «Завтра надо по-другому. И надо еще подумать».